

отмененными или скорректированными, вплоть до своей замены на противоположные, ответы. Этот голос, едва появившись, пересекает отведенные ему, графически очерченные кавычками рамки прямого высказывания и интенсивно вторгается в речь повествователя, придавая ей собственную интонационную, лексическую и смысловую окраску. Голос героя в «Преступлении и наказании» «расползается» по всему тексту, пронизывает его, доминирует в нем, но не столько авторитетностью, сколько напряженностью и вездесущностью. Ищущий, вопрошающий, смятенный и неутолимый, он жадно впитывает в себя другие, чужие голоса, которые, как в воронку, втягиваются в лихорадочную работу обнаженного для читательского лицезрения сознания и аргументами, стимулами, предостережениями вплетаются в нескончаемую диалогическую вязь внутренней речи героя. Как писал Бахтин, Раскольников «не мыслит о явлениях, а говорит с ними»,⁵ но говорение в данном случае и есть мышление, и этот процесс мышления-говорения вслух и про себя и есть главный предмет изображения в романе Достоевского.

Герой Тургенева, в отличие от героя Достоевского, предъявлен не изнутри, а преимущественно извне, голос его строго отделен от безличного повествования, границы которого героем практически не нарушаются, причем это голос *буквальный*, т. е. обращенный к собеседнику, к тому же звучащий, как правило, уверенно, утвердительно, в то время как для Раскольникова характерна вопросно-ответная форма речи. Высказывания Базарова, по контрасту с нервными, взвинченными словоизлияниями Раскольникова, носят сдержанно-лаконичный характер. Даже мысленные реплики, как правило, ситуативно-конкретны и душу героя, тайный ход его мыслей не открывают. Если герой Достоевского жаждет высказаться, то герой Тургенева предпочитает отмалчиваться. Если Раскольников психологически предельно обнажен посредством собственного слова, то Базаров максимально закрыт, а словом нередко пользуется с целью умолчания. В итоге Раскольников может показаться (и кажется) совершенно свободным от авторского диктата и непосредственно, лично взаимодействующим с читателем, в то время как Базаров — пребывающим в плену чужого слова о себе, чужих оценок и чужой (авторской) воли, т. е. скованным по рукам и ногам, — из чего логично следует вывод о преимуществах жанровой модели Достоевского, обеспечивающей если не абсолютную, то значительно бóльшую свободу герою и значительно бóльшую художественную силу и выразительность его образу. Стоит, однако, присмотреться внимательнее, с одной стороны, к тому, для чего дана «свобода» герою Достоевского и как он ею пользуется, а с другой стороны, к тому, как действует в рамках «несвободы» герой Тургенева.

Раскольников действительно показан изнутри — через льющееся бурливым, спотыкающимся потоком, растекающееся по всем романам руслам собственное слово. Но о чем он говорит? Чему посвящены его самоистязательные внутренние монологи и столь же мучительные диалоги с другими героями? Чем он живет, *что такое он сам*, выражаясь языком Павла Петровича, и что такое мир для него? Исследователями много сказано и написано об огромном масштабе притязаний героя, который проецируется на саму его личность. Д. Мережковский считает «до гениальности новой» его мысль, уточняя, правда, что, «гениальнейший прозорливец в вопросах нравственных, Раскольников — только слепой щенок в вопросах религиозных», ибо он «просто забыл о Боге».⁶ Л. Гроссман называет бунт Раскольни-

⁵ Бахтин М. Указ. соч. С. 39.

⁶ Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 209, 211.